ДрамаТур

{Морис Метерлинк]

СИНЯЯ ПТИЦА

[пьесы}

#04

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕЦ

Морис Метерлинк

Синяя птица. Пьесы

Издательский дом «Городец»

Метерлинк М.

Синяя птица. Пьесы / М. Метерлинк — Издательский дом «Городец»,

ISBN 978-5-908133-41-8

Выдающийся бельгийский драматург, эссеист, поэт и философ, лауреат Нобелевской премии Морис Метерлинк (1862–1949), «бельгийский Шекспир», как его называли современники, считается одним из родоначальников театра абсурда, его пьесы ставятся до сих пор и не утратили своей актуальности. «Метерлинк ни к чему не призывает и не выносит никому приговоров, — писала в 1967 году Жоанна Патаки Козофф. — Его искусство никогда не превращается в пропаганду, ибо оно апеллирует к фундаментальным ценностям, которые находятся вне политики и психиатрии». В своих пьесах Метерлинк показывает человеческие чувства в их материальных и психологических последствиях. Его бессмертные творения полны наблюдательности, страсти и мудрости.

ISBN 978-5-908133-41-8

© Метерлинк М.
© Издательский дом «Городец»

Содержание

Предисловие автора[1] 6
I 6
II 7
III 8
IV 9
V 10
VI 11
VII 12
VIII 13
IX 14
Маленькая трилогия смерти 15
Действующие лица 15
{Слепцы[3]] 26
Действующие лица 26
{Семь принцесс[4]] 40
Действующие лица 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Морис Метерлинк
Синяя птица

© Алехин Е. И., 2023
© ИД «Городец», 2023
Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.
@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (https://gorodets.ru/)

Предисловие автора[1]
Préface de l’auteur

I

Текст этих маленьких драм, которые мой издатель собирает теперь <…>, не был изменен. Это не потому, чтобы они казались мне совершенными. Конечно, нет; но художественное произведение нельзя улучшить последовательными поправками. Корни самого хорошего и самого худшего сплетаются в нем, и от попытки распутать их часто теряется то особое душевное волнение и та легкая, почти неожиданная прелесть, которые могли расцвести только в тени ошибки, еще не совершённой. <…>

[1] Текст предисловия Мориса Метерлинка дается в сокращении в переводе Людмилы Николаевны Вилькиной, подготовлен по изданию: *Метерлинк М.* Сочинения. Том 1. СПб., 1903.

II

<…> Драмы в том порядке, в каком они были изданы, а именно: «Непрошеная гостья», «Слепые» (1890), «Семь принцесс» (1891), <…> «Алладина и Паломид», «За стенами дома» и «Смерть Тентажиля» (1894) <…>, – полны верою в какую-то необъятную, невидимую и роковую власть, чьих намерений никто не знает, но которая по духу драмы кажется недоброжелательной, внимательной ко всем нашим поступкам, враждебной улыбке, жизни, миру, счастью. Невинные, но довольно враждебные друг другу судьбы сплетаются и расплетаются на общую погибель под опечаленными взглядами более мудрых, которые предвидят будущее и ничего не могут изменить в жестоких и непреклонных играх, создаваемых среди живых любовью и смертью. Любовь и смерть и другие таинственные силы творят что-то вроде лукаво-несправедливого суда, назначают наказания – этот несправедливый суд никогда не награждает, – похожие на прихоти судьбы.

III

Нескончаемое, сумрачное, лицемерное, деятельное присутствие смерти заполняет все промежутки поэмы. Проблеме бытия отвечает только загадка его прекращения. Впрочем, это смерть безразличная и неумолимая, слепая, бредущая ощупью по воле случая, уносящая преимущественно самых молодых и наименее несчастных только потому, что они держатся менее спокойно, чем угнетенные судьбой, а всякое слишком резкое движение во мгле привлекает ее внимание. Вокруг нее теснятся только маленькие существа, хрупкие, дрожащие от холода, бездейственно-задумчивые. Произнесенные ими слова, пролитые слезы приобретают значение только от того, что они падают в пропасть, на краю которой разыгрывается драма, и звучат в ней так, что бездна кажется необъятной, ибо все в ней исчезающее рождает неясный и глухой звук.

IV

Такой взгляд на наше существование не безрассуден. Он составляет пока, несмотря на все усилия нашей воли, сущность человеческой правды. Долго еще, а может быть, и всегда, мы будем только случайными и мгновенными огнями, отданными в жертву без определенной цели всяким дуновениям равнодушной ночи, если только решительное открытие науки не осветит тайны природы, если только откровение, явившееся из другого мира, например, с планеты более древней и более сведущей, чем наша, не обнаружит нам наконец начала и цели жизни. Изображая эту громадную и бесполезную нашу слабость, ближе всего подходишь к последней и основной правде нашего бытия, и если из существ, отданных таким образом во власть этого враждебного ничто, удается извлечь несколько жестов, нежных и изящных, несколько слов, мягких, исполненных хрупкой надежды, жалости и любви, то сделано все, что человек может сделать, когда он переносит существование к границам великой, неподвижной правды, которая убивает энергию и желание жить. Вот его я добивался в этих маленьких драмах. Мне не подобает судить о том, насколько это мне иногда удавалось.

V

Но теперь мне кажется, что этого мало. Я думаю, что поэма не должна жертвовать своей красотой ради поучения. Но если она, не теряя ничего, что украшает ее внутренним или внешним образом, ведет нас к правде такой же допустимой, как та, которая ни к чему не ведет, но более бодрой, она будет иметь то преимущество, что исполнила двойной неясный долг. Если мы будем в продолжение веков воспевать тщету жизни и непобедимую мощь небытия и смерти, то мимо наших взоров пройдут печали, которые будут становиться все более однообразными по мере приближения к последней правде. Если же мы попытаемся, напротив того, внести разнообразие во внешний облик неизвестного, окружающего нас, и будем искать в нем новое основание для жизни, то наши печали будут по крайней мере чередоваться с надеждами, потухающими, чтобы вновь загореться. В том положении, в котором мы теперь находимся, так же справедливо надеяться, что наши усилия не напрасны, как и думать, что они ни к чему не приводят. Последняя правда небытия, смерти и бесполезности нашего существования, к которой мы приходим, когда доводим вопросы до последних пределов, в конце концов является только крайней точкой наших теперешних знаний. Мы не видим дальше, потому что там граница нашего познания. Она кажется достоверной, но, в сущности, в ней достоверно только наше неведение. Нам придется еще долго стараться всеми силами рассеивать это неведение и делать все возможное для того, чтобы попытаться дойти до света прежде, чем нам придется допустить его окончательно. Раз это так, великий круг всех наших обязанностей, предшествовавших этой уверенности, слишком поспешной и смертельной, вновь приходит в движение. И снова начинается жизнь с ее страстями, которые уже не кажутся такими суетными, с ее радостями, печалями и обязанностями, которые вновь приобретают значение, так как они могут нам помочь выйти из тьмы или переносить ее без горечи.

VI

Это не значит, что мы вернемся к той же точке, на которой когда-то находились, и не значит, что любовь, смерть, рок и другие таинственные силы жизни вновь займут свое прежнее место и будут играть прежнюю роль в нашей действительной жизни и в наших произведениях, в особенности же – так как мы ими теперь занимаемся – в наших драматических произведениях. Человеческий ум, писал я по этому поводу, вот уже три четверти века переживает эволюцию, не вполне еще для нас ясную, но, вероятно, одну из самых значительных, пережитых в области мысли. Если эта эволюция не дала нам окончательных и определенных ответов относительно материи, жизни, судьбы человеческой, цели, происхождения и законов мира, она по крайней мере уничтожила и сделала невозможным для нас известное число неуверенностей, и как раз тех, где особенно охотно и свободно расцветали самые высокие мысли. Они были по преимуществу элементом красоты и величия во всех наших намеках, скрытой силой, которая поднимала наши речи выше речей обыденной жизни, и поэт казался великим и глубоким, соразмерно с более или менее блестящей формой, в которую он их облекал, с более и менее значительным местом, которое он уделял этим неуверенностям, прекрасным или устрашающим, миролюбивым или враждебным, трагическим или утешительным.

VII

Высокую поэзию, если к ней присмотреться, составляют три главных элемента. Во-первых, красота словесная, затем страстное наблюдение и изображение того, что действительно существует вокруг нас и в нас самих, то есть природы и наших чувств, и, наконец, идея, объемлющая все произведение и создающая свою особую атмосферу, мысли поэта о неизвестном, в котором витают существа и предметы, вызванные им к жизни, о тайне, которая господствует над ними, судит их и управляет их судьбами. Мне кажется, что нет сомнения в том, что этот последний элемент самый важный. Возьмите красивую поэму, хоть короткую и сжатую. Редко ее красота, ее величие ограничены тем, что известно в нашем мире. Девять раз из десяти она ими обязана намеку на тайну человеческих судеб, какой-нибудь новой связи видимого с невидимым, временного с вечным. Но если беспримерная, быть может, эволюция в нашем понимании неизвестного еще не так глубоко смущает лирического поэта, лишая его только части сил, с поэтом драматическим дело обстоит не так. Лирический поэт может оставаться чем-то вроде теоретика неизвестного. В крайнем случае ему позволено довольствоваться общими идеями, самыми широкими, самыми неопределенными. Ему нечего заботиться об их практических последствиях. Если он убежден в том, что божества прошлого, что справедливость и судьба не вмешиваются больше в дела людей и не направляют более хода вселенной, то ему нечего давать имена непонятным силам, которые действуют в мире и господствуют надо всем. Нам все равно, кажутся ли ему Бог или вселенная необъятными и грозными. Мы главным образом требуем от него, чтобы он передал нам впечатление необъятного или грозного, которое он получил. Но драматический поэт не может ограничиться такими общими положениями. Ему приходится вводить в действительную жизнь свое понимание неизвестного. Он должен нам показать, каким образом, в какой форме, при каких условиях, по каким законам, для какой цели влияют на наши судьбы те высшие силы, те непонятные воздействия, которыми, как это представляется его поэтическому пониманию, наполнен мир. И так как наступил час, когда честность делает для него почти невозможным допущение прежних ошибок и когда те, которые должны их заменить, еще не определились, не имеют имени, он колеблется, ищет и, если хочет оставаться вполне искренним, не решается выйти за пределы ближайшей действительности. Он ограничивается изучением человеческих чувств в их материальных и психологических последствиях. В этой сфере он может создать мощное произведение, полное наблюдательности, страсти и мудрости, но очевидно, что он никогда не достигнет более широкой и более глубокой красоты великих поэм, в которых нечто бесконечное примешивалось к действиям людей; и он спрашивает себя, должен ли он решительно отказаться от этой красоты.

VIII

Я этого не думаю. На пути достижения красоты он встретит трудности, которых ни один поэт до сих пор не встречал, но это ему все же удастся, хоть бы только завтра. Даже сегодня, в этот, кажется мне, самый опасный момент альтернативы, одному или двум поэтам удалось выйти из мира всем очевидной действительности, не возвращаясь в мир прежних химер, потому что высшая поэзия прежде всего царство неожиданного, и из самых общих правил внезапно возникают сбивающие с толку исключения, как осколки звезд, мелькающие на небе, где люди не ожидали никакого света. Появляется, например, «Власть тьмы» Толстого, как плавучий островок, скользящий по течению обыкновенной низшей жизни, как островок великолепного ужаса, весь окровавленный испарениями ада, но в то же время окруженный громадным огнем, белым, чистым и чудодейственным, который вырывается из простой души Акима. Или «Призраки» Ибсена, где разряжается в мещанской обстановке, ослепив и ослепляя, угнетая, доводя всех до безумия, одна из самых ужасных тайн человеческой судьбы. Сколько бы мы ни сторонились страха перед непонятным, в этих двух драмах действуют высшие силы, давление которых на жизнь мы чувствуем в поэме Толстого. И в поэме Ибсена чувствуется влияние лишь недавно провиденного и ужасающего закона справедливости и несправедливости – закона наследственности, может быть, спорного, но столь мало известного и в то же время столь правдоподобного, что все, что в нем есть сомнительного, не замечается из-за громадной, таящейся в нем угрозы.

IX

В прежние времена самоуверенному гению, а порой и простому и честному таланту легко удавалось создать перед нами в театре тот глубокий задний план, ту облачную даль вершин, те бесконечные токи, которые, не имея ни названия, ни формы, дают нам возможность делиться в разговоре нашими образами и кажутся необходимым условием для того, чтобы поток драматического действия наполнял берега, достигая своего идеального уровня. В современном же театре почти всегда отсутствует этот третий персонаж, загадочный, незримый, но вездесущий, которого справедливо было бы назвать верховным действующим лицом и который, быть может, есть не что иное, как бессознательная, но мощная, сросшаяся с убеждением идея, которую поэт создает себе о вселенной и которая дает произведению более важное значение, нечто неведомое, что продолжает в нем жить по смерти всего остального и позволяет к нему вечно возвращаться, делая его красоту неистощимой. Но должно сознаться, что всего этого недостает и в нашей современной жизни. Вернется ли оно? Родится ли оно от нового, опытного представления о справедливости или о безразличии природы, от одного из тех огромных всеобщих законов материи и духа, которые мы только что начинаем провидеть? Во всяком случае, сохраним место для этой тайны. Согласимся, если нужно, чтобы ничто не занимало этого места все время, покуда эта тайна будет выясняться из мрака, но не посадим вместо нее призраков. Наше ожидание и ее постоянно незанятое место в жизни сами по себе более значительны, нежели все то, что мы могли бы посадить на ее трон, охраняемый нашим терпением. <…>

Маленькая трилогия смерти
Petite trilogie de la mort
{Вторжение СМЕРТИ[2]]
{L'intruse]

Действующие лица

Дед (слепой).

Отец.

Дядя.

Три дочери.

Сестра милосердия.

Служанка.

Действие происходит в наше время.

Довольно мрачный зал в старинном замке. Направо дверь, налево – другая; в углу маленькая потайная дверка. В глубине окна с разноцветными, главным образом зелеными стеклами и стеклянная дверь, ведущая на террасу. В углу стоят большие фламандские часы. Горит лампа.

Три дочери. Дедушка, сядьте сюда, к лампе.

Дед. Мне кажется, здесь мало света.

Отец. Что, останемся мы в комнате или выйдем на террасу?

Дядя. Не лучше ли остаться здесь? Всю неделю шел дождь, и ночи теперь сырые и холодные.

Старшая дочь. А небо – звездное…

Дядя. Ну, это ничего не значит.

Дед. Да, лучше остаться здесь. Мало ли что может случиться.

Отец. Теперь нечего особенно беспокоиться. Опасность миновала: ее спасут.

Дед. А мне кажется, ей не совсем-то хорошо…

Отец. Почему вы так думаете?

Дед. Слышал я ее голос.

Отец. Но если врачи уверяют, что мы можем быть спокойны…

Дядя. Вы знаете, ваш тесть любит-таки пугать нас по-пустому.

Дед. Я же ничего не вижу.

Дядя. Ну так вам нужно положиться на нас, раз вы не видите. У нее сегодня к вечеру был совсем хороший вид. Сейчас она крепко спит, и мы не станем из-за пустяков портить себе первый хороший вечер, выдавшийся нам наконец. Мне кажется, что мы вправе отдохнуть и даже посмеяться немного, отложивши в сторону, хоть на этот вечер, всякие опасения.

Отец. А правда, я еще в первый раз после этих ужасных родов чувствую, что я дома, посреди своих.

Дядя. Лишь только болезнь заберется в дом, как уже кажется, что в семье есть кто-то посторонний.

Отец. И в то же время становится ясно, что ни на кого, кроме своей семьи, нельзя полагаться.

---

[2] Текст пьесы в переводе подготовлен по изданию: *Метерлинк М.* Слепцы; Тайны души; Семь принцесс; Смерть Тентажиля; Вторжение смерти: Пять драм / Соч. Мориса Метерлинка. М., 1896. С. 139–178.

Дядя. Да, вы правы.

Дед. Почему мне не дали сегодня повидаться с моей бедной дочерью?

Дядя. Вы отлично знаете, что доктор запретил это.

Дед. Я не знаю, что уже мне и подумать.

Дядя. Напрасно вы тревожитесь.

Дед (*указывая на дверь слева*). Она не может нас услыхать?

Отец. Мы не громко говорим, и дверь такая толстая, что едва ли нас слышно; к тому же с ней сестра милосердия, которая предостерегла бы нас, если бы мы слишком шумели.

Дед (*указывая на дверь справа*). А он нас не услышит?

Отец. Нет, нет.

Дед. Он спит?

Отец. Наверное, да.

Дед. Нужно было бы взглянуть.

Дядя. Малютка меня более беспокоит, чем ваша жена. Вот уж несколько недель, как он родился, а все еще почти не шевелится и до сих пор ни разу не крикнул, – совсем точно восковой.

Дед. По-моему, он будет глух, да, пожалуй, и нем. Вот к чему приводят браки между близкими родственниками.

Неодобрительное молчание.

Отец. Я не могу простить ему тех страданий, которые он причинил своей матери.

Дядя. Нужно быть рассудительным; разве тут виноват бедный ребенок? Он совсем один в этой комнате?

Отец. Да, доктор не хотел, чтобы он оставался в одной комнате с матерью.

Дядя. Но кормилица с ним?

Отец. Нет, она пошла на минутку отдохнуть; ей досталось-таки за эти дни. Урсула, взгляни, спит ли он.

Старшая дочь. Сейчас, папа.

Все три сестры встают и, взявшись за руки, входят в комнату направо.

Отец. В котором часу придет наша сестра?

Дядя. Я думаю, около девяти.

Отец. Но ведь уже девять. Мне хотелось бы, чтобы она пришла сегодня вечером; жена сильно желает ее видеть.

Дядя. Наверное, придет. Что, она в первый раз будет здесь?

Отец. Да, она еще никогда не бывала у нас.

Дядя. Ей очень трудно бывает выбраться из монастыря.

Отец. Она придет одна?

Дядя. Я думаю, что одна из монахинь будет провожать ее. Они не могут выходить одни.

Отец. Но ведь она настоятельница.

Дядя. Устав для всех один.

Дед. Ну, вы успокоились теперь?

Дядя. Чего же нам беспокоиться? Не стоит больше говорить об этом. Опасности нет совсем.

Дед. Ваша сестра старше вас?

Дядя. Да, она у нас самая старшая.

Дед. Не знаю, что со мной; но я неспокоен. Мне хотелось, чтобы ваша сестра была здесь.

Дядя. Она обещала прийти и придет.

Дед. Ах, поскорей бы прошел этот вечер!

Три дочери возвращаются.

Отец. Он спит?

Старшая дочь. Да, папа; очень крепко.

Дядя. Что мы будем делать, пока поджидаем тут?

Дед. Поджидаем? Кого?

Дядя. Да нашу сестру.

Отец. Урсула, никто не идет? Ты не видишь?

Старшая дочь (*у окна*). Нет, папа.

Отец. А в аллее? Она тебе видна?

Старшая дочь. Да, папа; на дворе светло от луны, и я вижу аллею до самых кипарисов.

Дед. И ты никого не видишь, Урсула?

Старшая дочь. Нет, дедушка, никого.

Дядя. А как погода?

Старшая дочь. Очень хорошая; вы слышите, как заливаются соловьи?

Дядя. Да, да.

Старшая дочь. Легкий ветерок поднимается в аллее.

Дед. Ветерок в аллее, Урсула?

Старшая дочь. Да, листья начинают дрожать.

Дядя. Удивительно, что сестры все еще нет.

Дед. Я не слышу больше соловьев, Урсула.

Старшая дочь. Мне кажется, дедушка, что кто-то вошел в сад.

Дед. Кто же это?

Старшая дочь. Не знаю. Я никого не вижу.

Дядя. Это потому, что никого и нет.

Старшая дочь. Нет, должно быть, в саду кто-то есть; соловьи сразу перестали петь.

Дед. А я, однако, не слышу шагов.

Старшая дочь. Кто-нибудь проходит близко от пруда, потому что лебеди испугались чего-то.

Другая дочь. По воде пошли круги…

Отец. Ты не видишь никого?

Старшая дочь. Никого, папа.

Отец. Но ведь луна освещает пруд.

Старшая дочь. Да, я вижу, что лебеди чего-то испугались.

Дядя. Я уверен, что напугала их сестра. Она хотела пройти через маленькую калитку.

Отец. Я не могу понять, почему собаки совсем не лают.

Старшая дочь. Сторожевая собака не показывается из конуры… Вот лебеди плывут к другому берегу.

Дядя. Это их сестра напугала. Пойду посмотрю. (*Кличет.*) Сестра! Сестра! Это ты? Никого нет.

Старшая дочь. Я уверена, что кто-то вошел в сад. Вы сходите.

Дядя. Но она откликнулась бы.

Дед. А соловьи не начали снова петь, Урсула?

Старшая дочь. Нет, дедушка, я не слышу ни одного.

Дед. И шуму никакого нет!..

Отец. Да, мертвая тишина.

Дед. Должно быть, лебедей напугал кто-нибудь посторонний, потому что, если бы это был кто из домашних, он отозвался бы.

Старшая дочь. Вон один соловей вспорхнул с большой плакучей ивы.

Дядя. Вы тут еще будете заниматься своими соловьями!

Дед. Окна все открыты, Урсула?

Старшая дочь. Открыта стеклянная дверь, дедушка.

Дед. Мне кажется, что в комнате становится холодно.

Старшая дочь. В саду маленький ветер, дедушка, и розы начинают осыпаться.

Отец. Закрой-ка дверь, Урсула. Уж поздно.

Старшая дочь. Сейчас, папа. Но я, папа, не могу закрыть двери.

Две другие дочери. И мы тоже не можем.

Дед. Что же там в дверях, девочки?

Дядя. К чему говорить это таким странным голосом?

Старшая дочь. Мы никак не можем плотно притворить ее.

Дядя. Это от сырости. Попробуем вместе захлопнуть ее. Что-то, должно быть, попало между дверями.

Отец. Завтра плотник исправит.

Дед. Разве завтра придет плотник?

Старшая дочь. Да, дедушка, ему нужно сделать кое-что в погребе.

Дед. Он наделает шуму тут в доме!..

Старшая дочь. Я скажу ему, чтобы он работал тихо.

Вдруг со двора доносится звук оттачиваемой косы.

Дед (*вздрагивая*). Ах!

Дядя. Урсула, что это такое?

Старшая дочь. Не знаю наверное, но думаю, что это садовник. Мне плохо видно; он, должно быть, в тени дома.

Отец. Да, это садовник собирается косить.

Дядя. Как, он ночью косит?

Отец. Завтра какой у нас день? Воскресенье? Ну да! Я заметил, что трава вокруг дома очень высока.

Дед. Мне кажется, что он слишком шумит со своей косой.

Старшая дочь. Он начинает косить.

Дед. Ты его видишь, Урсула?

Старшая дочь. Нет, дедушка, он в темноте.

Дед. Мне кажется, что он слишком шумит своей косой.

Старшая дочь. У вас очень тонкий слух, дедушка.

Дед. Боюсь, как бы он не разбудил мою дочь.

Дядя. Мы чуть слышим.

Дед. А я слышу так же ясно, как будто бы он косил здесь, в комнате.

Дядя. Больная не услышит, этого нечего бояться.

Отец. Мне кажется, что лампа этот вечер что-то нехорошо горит.

Дядя. Нужно подлить масла.

Отец. Я видел, как ее сегодня наливали. Она плохо горит с тех пор, как закрыли окно.

Дядя. Я думаю, стекло плохо.

Отец. Сейчас будет гореть лучше.

Старшая дочь. Дедушка заснул. Он не спал уже три ночи.

Отец. У него было слишком много беспокойств.

Дядя. Он всегда беспокоится более, чем следует. Бывают минуты, когда его ничем не урезонишь.

Отец. В его годы это еще простительно.

Дядя. Бог знает, что будет с нами в эти годы.

Отец. Ему около восьмидесяти.

Дядя. Ну, он вправе иметь странности.

Отец. Может быть, у нас их будет в эти годы более, чем у него.

Дядя. Неизвестно, что может случиться. Но по временам он бывает потешен.

Отец. Он таков, как и все слепые.

Дядя. Им приходится слишком много думать.

Отец. Потому что у них слишком много ничем не занятого времени.

Дядя. Да, и делать им больше нечего.

Отец. Потом же они лишены всяких развлечений.

Дядя. Это должно быть ужасно.

Отец. Кажется, это входит уж у них в привычку.

Дядя. Никак не могу представить себе этого.

Отец. Конечно, их стоит пожалеть.

Дядя. Не знать, где ты находишься; не знать, откуда идешь и куда; не отличать более полудня от полуночи, лета от зимы… И вечно этот мрак и мрак… Нет, я предпочел бы уж не жить. Неужели это совершенно неизлечимо?

Отец. Кажется, да.

Дядя. Но ведь он не совсем ослеп?

Отец. Сильный свет он еще немного распознает.

Дядя. Ох, будем беречь наши бедные глаза.

Отец. У него частенько провертываются довольно странные мысли.

Дядя. Да, по временам он бывает не особенно приятным.

Отец. У него что на уме, то и на языке.

Дядя. Но не всегда же он был таким?

Отец. Ну конечно, было время, когда он рассуждал не хуже нас; тогда вы не услышали бы от него ничего необычного. Урсула, пожалуй, слишком потакает ему; она отвечает на все его вопросы…

Дядя. А уж это для него плохая услуга; по-моему, нужно было бы с ним поменьше говорить.

Часы бьют десять.

Дед (*просыпаясь*). Я сижу к стеклянной двери лицом, да?

Старшая дочь. Хорошо ли вы спали, дедушка?

Дед. Лицом я сижу к стеклянной двери или нет?

Старшая дочь. Да, дедушка.

Дед. А там никого нет, у двери?

Старшая дочь. Нет, дедушка, я никого не вижу.

Дед. А я думал, что кто-нибудь ждет там. Урсула, никто не приходил?

Старшая дочь. Никто, дедушка.

Дед (*обращаясь к отцу и дяде*). Так ваша сестра и не пришла?

Дядя. Теперь уже слишком поздно, и она не придет. Это не особенно мило с ее стороны.

Отец. Я начинаю о ней беспокоиться.

Слышен шум, как будто кто-то входит в дом.

Дядя. Это она! Вы слышали?

Отец. Да, вниз как будто кто вошел.

Дядя. Должно быть, это наша сестра. Я узнаю ее походку.

Дед. Я слышу, кто-то медленно идет.

Отец. Она вошла очень тихо.

Дядя. Она знает, что в доме больной.

Дед. Теперь я ничего больше не слышу.

Дядя. Она тотчас взойдет наверх, и ей скажут, что мы здесь.

Отец. Как я доволен, что она пришла.

Дядя. Я был уверен, что она придет сегодня.

Дед. Она что-то не торопится.

Дядя. Однако это она, я уверен.

Отец. Мы никого больше к себе и не ждем.

Дед. Я не слышу никакого шума внизу.

Отец. Я сейчас позову служанку, и мы узнаем, в чем дело. (*Он дергает за шнурок сонетки.*)

Дед. Я уже слышу шум на лестнице.

Отец. Это служанка поднимается сюда.

Дед. Мне кажется, с ней еще кто-то есть.

Отец. Это она одна наделала столько шуму.

Дед. Мне кажется, с ней есть кто-то.

Отец. Она теперь что-то слишком толста; мне кажется, у нее водянка.

Дядя. Пора вам сплавить ее, а то останется она у вас на руках.

Дед. Я слышу шаги вашей сестры!

Отец. Я никого, кроме служанки, не слышу.

Дед. Это она, ваша сестра! Это она!

Раздается стук в маленькую дверь.

Дядя. Она стучится в дверь потайной лестницы.

Отец. Я пойду сам отворю ей, а то эта дверка слишком шумит; ею пользуются лишь тогда, когда хотят никем не замеченными войти в комнату.

Он приотворяет дверку; служанка остается за нею и не входит в комнату.

Где вы?

Служанка. Здесь, сударь.

Дед. Сестра ваша в дверях?

Дядя. Я никого, кроме служанки, не вижу.

Отец. Одна служанка только. (*К служанке.*) Кто это там вошел в дом?

Служанка. Вошел в дом, сударь?

Отец. Ну да. Кто-то пришел сейчас?

Служанка. Нет, никто не приходил, сударь.

Дед. Кто это так вздыхает?

Дядя. Это служанка, она запыхалась.

Дед. Что это? Она плачет?

Дядя. Вовсе нет. Зачем она будет плакать?

Отец (*служанке*). Не входил ли кто-нибудь сейчас?

Служанка. Нет, сударь!

Отец. Но мы слышали, как открывали дверь.

Служанка. Это я затворяла дверь, сударь.

Отец. А разве она была открыта?

Служанка. Да, сударь.

Отец. Почему же она в такое время и была не заперта?

Служанка. Не знаю, сударь; я ее запирала.

Отец. Да кто же ее открыл?

Служанка. Не знаю, сударь; должно быть, кто-нибудь выходил после меня.

Отец. Нужно получше смотреть. Да не толкайте же дверь: вы прекрасно знаете, что производите этим шум.

Служанка. Но, сударь, я и не дотрагиваюсь вовсе до двери!

Отец. Как не дотрагиваетесь? Вы толкаете ее.

Служанка. Да, сударь, от меня до двери три шага.

Отец. Говорите не так громко.

Дед. Разве гасят огонь?

Старшая дочь. Нет, дедушка.
Дед. Мне кажется, что сразу сделалось темно.
Отец (*служанке*). Теперь вы можете идти вниз; но не стучите так по лестнице.
Служанка. Я, сударь, не стучала.
Отец. Я вам говорю, что вы стучали; сходите потихоньку, вы разбудите еще барыню.
Служанка. Да не я же это стучала, сударь.
Отец. И если кто-нибудь теперь придет, скажите, что нас нет дома.
Дядя. Да, говорите всем, что нас нет дома!
Дед (*вздрагивая*). Не нужно этого говорить!
Отец. … Всем, кроме, конечно, моей сестры и доктора.
Дядя. В котором часу придет доктор?
Отец. Не раньше двенадцати.
Он затворяет дверь. Часы бьют одиннадцать.
Дед. Она вошла?
Отец. Кто?
Дед. Служанка.
Отец. Нет, она спустилась вниз.
Дед. Я думал, что она села к столу.
Дядя. Служанка-то?
Дед. Ну да.
Дядя. Еще этого недоставало!
Дед. И никто не входил в комнату?
Отец. Да нет же, никто не входил.
Дед. И вашей сестры здесь нет?
Дядя. Сестра не приходила… Что у вас за мысли!
Дед. Вы меня хотите провести!
Дядя. Провести? Вас?
Дед. Урсула, скажи мне правду, ради бога!
Старшая дочь. Дедушка! Дедушка! Что с вами?
Дед. Что-нибудь случилось!.. Я уверен, что моей дочери хуже!..
Дядя. Бредите вы, что ли?
Дед. Вы не хотите мне говорить!.. Я отлично вижу, что тут что-то есть!..
Дядя. В таком случае вы видите лучше нас.
Дед. Урсула, скажи мне правду!
Старшая дочь. Но вам говорят правду, дедушка!
Дед. Ты говоришь это не своим голосом!
Отец. Это просто потому, что вы ее пугаете.
Дед. У вас голос тоже переменился.
Отец. Ну, вы сходите с ума!
Отец и дядя знаками дают друг другу понять, что дед рехнулся.
Дед. Я отлично слышу, что вы боитесь.
Отец. Да чего же нам бояться?
Дед. И зачем вы хотите обмануть меня?
Дядя. Кто же думает обманывать вас?
Дед. К чему вы погасили огонь?
Дядя. Но огня никто и не гасил; сейчас так же светло, как и прежде.
Старшая дочь. Мне кажется, что свет лампы становится слабее.
Отец. А по-моему, она горит так же ярко, как и всегда.

Дед. У меня мельничные жернова на глазах! Скажите же мне, мои девочки, что здесь происходит? Ради бога, скажите! Я здесь совсем один, в бесконечном мраке! Я не знаю, кто садится рядом со мной! Я не знаю, что делается в двух шагах от меня!.. Почему вы сейчас шептались?

Отец. Никто не шептался.

Дед. Вы говорили шепотом там, у двери.

Отец. Вы слышали все, что я говорил.

Дед. Вы кого-то ввели в комнату?

Отец. Да говорю же вам, что никто не входил!

Дед. Это ваша сестра или священник? Не к чему обманывать меня. Урсула, кто вошел?

Старшая дочь. Да никто же, дедушка.

Дед. Ни к чему стараться обмануть меня. Я знаю, что знаю! Сколько нас здесь?

Старшая дочь. Нас шестеро у стола, дедушка.

Дед. И вы все сидите у стола?

Старшая дочь. Да, дедушка.

Дед. Вы тут, Поль?

Отец. Да.

Дед. Вы тут, Оливье?

Дядя. Ну да, ну да, я здесь, на моем обычном месте. Неужели это так важно?

Дед. Ты тут, Женевьева?

Одна из дочерей. Да, дедушка.

Дед. Ты тут, Гертруда?

Другая дочь. Да, Дедушка.

Дед. Ты здесь, Урсула?

Старшая дочь. Да, дедушка, рядом с вами.

Дед. А кто же это сидит там?

Старшая дочь. Где же, дедушка? Никого нет.

Дед. Там, там, посреди нас?

Старшая дочь. Да никого же нет, дедушка!

Отец. Вам говорят, что нет никого!

Дед. Да вы не видите, никто из вас не видит.

Дядя. Ну спасибо. Вы смеетесь, что ли?

Дед. У меня нет никакого желания смеяться, уверяю вас.

Дядя. Тогда верьте тем, кто видит.

Дед (*нерешительно*). Я думал, что здесь кто-то есть… Мне кажется, что я уж недолго проживу…

Дядя. Зачем нам было бы обманывать вас? К чему бы это повело?

Отец. Все равно пришлось бы вам сказать правду рано или поздно, и вы не могли бы долго оставаться в заблуждении.

Дед. Мне хотелось бы домой.

Отец. Да ведь вы же здесь, дома!

Дядя. Разве все мы не у себя дома? Право, вы сегодня какой-то странный.

Дед. А мне так вы кажетесь странным!

Отец. Вам не хватает чего-нибудь.

Дед. Не знаю, что со мной!

Дядя. Может быть, вы хотите чего-нибудь скушать или выпить?

Старшая дочь. Дедушка, скажите, чего вам нужно?

Дед. Дайте мне ваши руки, мои девочки. Почему вы все дрожите?

Старшая дочь. Мы, кажется, не дрожим, дедушка.

Дед. Мне думается, что все вы бледны.

Старшая дочь. Теперь поздно, дедушка, и мы утомились.

Отец. Вам нужно идти спать, да и дедушке лучше всего было бы немножко отдохнуть.

Дед. Мне не заснуть эту ночь!

Дядя. Мы подождем доктора.

Дед. Скажите же мне, чего я должен ожидать.

Дядя. Вам нечего особенно бояться, мы ничего от вас не скрываем.

Дед. Так, видно, я и не узнаю, в чем дело!

Дядя. Я вам говорю, что ничего нет!

Дед. Мне хотелось бы взглянуть на мою бедную дочь!

Отец. Но вы отлично знаете, что это невозможно; нельзя ее будить без нужды.

Дядя. Вы увидите ее завтра.

Дед. В ее комнате совсем не слышно шума.

Дядя. Я бы более тревожился, если бы услышал шум.

Дед. Давно уж я не видал моей дочери! Вчера вечером я брал ее руки в свои, но самой ее я не видал! И я не знаю более, что с ней делается! Я не знаю, какова она на вид… Я не увижу более ее лица… Она, должно быть, изменилась в эти недели! Я мог только ощупать руками кости ее лица. Между мною и ею и всеми вами – один лишь мрак! Нет, так жить больше нельзя! Это не жизнь! Все, там, все смотрите на мои мертвые глаза, и ни у кого из вас не шевельнется чувство жалости! Не знаю, что со мной… Никогда не скажут того, что следует сказать… И как подумаешь, все это так страшно… Что же вы все молчите?

Дядя. А что же бы мы стали говорить, когда вы не хотите нам верить?

Дед. Вы боитесь выдать себя!

Отец. Да полноте, право; будьте же, наконец, рассудительны.

Дед. Давно уже здесь что-то скрывают от меня! В доме что-то случилось… Но я теперь начинаю понимать… Меня уж слишком долго обманывают! И вы думаете, что никогда-таки я ничего и не узнаю? Да временами я вижу лучше вас, знаете ли вы это? Разве я не слышу, как вы уже несколько дней шушукаетесь, точно вы находитесь в доме повешенного? У меня не хватает духу сказать сегодня вечером того, что я знаю… Но я добьюсь правды! Я дождусь-таки, чтобы вы сказали правду. Да уж я ее знаю давно и без вас! И я чувствую теперь, что все вы бледнее мертвецов.

Три дочери. Дедушка! Дедушка! Что с вами, дедушка?

Дед. Это я не о вас говорю, мои девочки, не о вас. Я хорошо знаю, что вы сказали бы мне правду, если бы их не было тут! Вы это увидите, мои девочки, увидите! Разве я не слышу, как вы все втроем рыдаете?

Дядя. Нет, я ухожу отсюда.

Отец. Разве на самом деле моя жена так больна.

Дед. Ни к чему более обманывать меня, теперь уж слишком поздно, и я знаю истину лучше вас!..

Дядя. Да ведь мы же, наконец, не слепы, мы-то!

Отец. Хотите войти в комнату вашей дочери? Здесь какое-то недоразумение и ошибка, с которыми нужно покончить. Хотите?

Дед. Нет, нет, не сейчас…

Дядя. Ну, видите, какой вы нерассудительный.

Дед. Что это опять за шум?

Старшая дочь. Это с лампой делается что-то странное.

Дед. Мне кажется, что она слишком надоедает нам сегодня…

Старшая дочь. Тут виноват ветер, который ее…

Дядя. Никакого ветра здесь нет, окна закрыты.

Старшая дочь. Мне кажется, что она сейчас потухнет.
Отец. Выгорело все масло.
Старшая дочь. Она совсем гаснет.
Отец. Не оставаться же нам так, в потемках.
Дядя. А отчего бы и нет? Я уже привык.
Отец. У жены в комнате есть огонь.
Дядя. Мы возьмем его, когда придет доктор.
Отец. А и правда, здесь видно довольно хорошо, свет проходит с улицы.
Дед. Разве на улице светло?
Отец. Светлее, чем здесь.
Дядя. Я так люблю поболтать в темноте.
Отец. Я тоже.
Молчание.
Дед. Мне кажется, часы слишком стучат!
Старшая дочь. Это оттого, что мы все замолчали.
Дед. Зачем же вы молчите?
Дядя. А о чем нам говорить?
Дед. Что, в комнате очень темно?
Дядя. Да, не совсем светло.
Молчание.
Дед. Я что-то чувствую себя нехорошо, Урсула; отвори немного окно.
Отец. Сейчас она откроет. Мне тоже, я чувствую, нужно подышать свежим воздухом.
Дочь открывает окно.
Дядя. Мне положительно кажется, что мы слишком долго сидели взаперти.
Дед. Ну что, Урсула? Окно открыто?
Старшая дочь. Да, дедушка, я его совсем раскрыла.
Дед. Трудно подумать, что оно было раскрыто; снаружи не слышно никакого шума.
Старшая дочь. Да, дедушка, ни малейшего шума.
Отец. Странная тишина.
Старшая дочь. Можно услышать, как муха пролетит.
Дядя. Вот отчего я не люблю деревни.
Дед. Мне хотелось бы услышать хоть какой-нибудь шум… Который час, Урсула?
Старшая дочь. Скоро полночь, дедушка.
В это время дядя начинает ходить взад-вперед по комнате.
Дед. Кто это там ходит вокруг нас?
Дядя. Это я, я, не бойтесь. Я чувствую потребность немного походить.
Молчание.
Но сейчас я сяду; я совсем не вижу, где хожу.
Молчание.
Дед. Мне хотелось бы быть где-нибудь в ином месте!
Старшая дочь. Куда бы вам хотелось, дедушка?
Дед. Не знаю куда – в другую комнату – все равно куда, все равно!
Отец. Куда же нам пойти?
Дядя. Нет, уже теперь поздно перебираться в другое место.
Молчание. Все неподвижно сидят вокруг стола.
Дед. Что это я слышу, Урсула?
Старшая дочь. Ничего, дедушка, это листья осыпаются на террасу – да, так и есть.
Дед. Поди-ка, Урсула, закрой окно.
Старшая дочь. Сейчас, дедушка. (*Она возвращается и садится на прежнее место.*)

Дед. Мне холодно.

Молчание. Сестры целуются.

Что это я опять слышу?

Отец. Это сестры целуются между собой.

Дядя. Они, мне кажется, что-то бледны сегодня.

Молчание.

Дед. Урсула, я снова что-то слышу.

Старшая дочь. Да ничего же, дедушка, это я сделала руками.

Молчание.

Дед. Что это такое, что я слышу, Урсула?

Старшая дочь. Не знаю, дедушка… Может быть, это сестры… Они немного дрожат.

Дед. Мне тоже страшно, мои девочки.

В эту минуту лунный свет падает на окна и понемногу наполняет комнату слабым, причудливым мерцанием. Бьет полночь, и при последнем ударе слышится какой-то глухой шум, точно кто поспешно поднимается со своего места.

(*Вздрагивая от ужаса.*) Кто это встал?

Дядя. Никто не вставал!

Отец. Я не вставал!

Три дочери. Я тоже! Я тоже! Я тоже!

Дед. Кто-то встал из-за стола!

Дядя. Зажгите огонь!

Из комнаты ребенка, справа, доносится в это время крик испуга. Этот крик становится все громче, и все яснее слышится в нем ужас.

Отец. Слушайте! Это ребенок!

Дядя. Он никогда не плакал!

Отец. Пойдем посмотрим!

Дядя. Огня! Огня!

В этот момент слышится глухая торопливая болтовня в соседней комнате слева. Потом снова все утихает. Все прислушиваются в некоем ужасе до тех пор, пока дверь из этой комнаты тихо отворяется и пропускает в зал свет, а на пороге показывается Сестра милосердия в своем черном одеянии и наклоняется вперед, крестясь, в знак смерти жены. Все ее понимают и, после минуты нерешительности и ужаса, безмолвно идут в комнату покойницы, причем дядя останавливается в дверях и учтиво пропускает мимо себя трех девушек. Слепой, оставшись один в комнате, встает и в беспокойстве старается ощупью выбраться из-за стола.

Дед. Куда вы? Куда вы? Они оставили меня одного!

{Слепцы[3]]
{Les aveugles]

Действующие лица

Священник.
Три слепорожденных.
Слепой старик.
Пятый слепой.
Шестой слепой.
Три слепые молящиеся старухи.
Слепая старуха.
Молодая слепая.
Сумасшедшая (слепая).

Под небом, усеянным звездами, расстилается старый северный лес, кажущийся бесконечным. Посреди него в глубоком мраке сидит, закутавшись в широкий черный плащ, старик-священник. Туловищем и головой, неподвижными, как смерть, старец слегка опрокинулся назад, прислонившись к пустому стволу громадного дуба. Лицо его страшно бледно, полуоткрытые губы посинели. Немые и безжизненные глаза уже более не глядят на природу и носят на себе отпечаток частых и давних страданий и слез. Белые, как лунь, волосы падают редкими прямыми прядями на лицо, освещенное и усталое более, чем все окружающее его в тишине мрачного леса. Худые, окоченелые руки скрещены на коленях. Направо от него сидят шесть слепых стариков, кто на камне, кто на пне, а кто и на сухих листьях. Налево, напротив него, сидят, отделенные лишь обложками скалы и вырванным с корнем деревом, столько же слепых женщин. Три из них молятся, причитая тихими голосами. Четвертая очень стара. Пятая, в состоянии немого помешательства, держит на коленях спящего ребенка. У шестой, еще удивительно молодой, волосы обвивают весь стан и падают до земли. Женщины, как и старики, одеты в темные, одинаковые по цвету, широкие платья. Большинство, упираясь локтями на колени и поддерживая руками головы, сидят в ожидании чего-то; и кажется, что все они отвыкли от бесполезных движений и больше не прислушиваются к глухому и мятежному шуму острова. Большие печальные деревья: тис, плакучие ивы и кипарисы – покрывают их своей тенью. Невдалеке от священника цветет во мраке ночи группа длинных, болезненных златоцветников. Темнота стоит необычайная, несмотря на то что светит луна, которая изредка кое-где старается рассеять мрак листвы.

Первый слепорожденный. Что же, он еще не вернулся?
Второй слепорожденный. Вы меня разбудили!
Первый слепорожденный. Я тоже спал.
Третий слепорожденный. И я спал.
Первый слепорожденный. Он еще не идет?
Второй слепорожденный. Я ничего не слышу.
Третий слепорожденный. Пора бы возвратиться в богадельню.
Первый слепорожденный. Надо бы узнать, где мы.
Второй слепорожденный. После его ухода стало холодно.

[3] Текст пьесы приводится по изданию: *Метерлинк М.* Слепцы; Тайны души; Семь принцесс; Смерть Тентажиля; Вторжение смерти: пять драм сочинения Мориса Метерлинка. М., 1898. С. 5–47.

Первый слепорожденный. Необходимо узнать, куда мы попали!

Слепой старик. Знает ли кто-нибудь из вас, где мы?

Слепая старуха. Мы шли очень долго и, вероятно, очень отдалились от богадельни.

Первый слепорожденный. А! Напротив нас женщины?

Слепая старуха. Да, мы сидим напротив вас.

Первый слепорожденный. Постойте, я приду к вам. (*Он встает и идет ощупью.*) Где вы? Говорите! Чтобы я мог узнать, где вы.

Слепая старуха. Мы здесь, мы сидим на камнях.

Первый слепорожденный (*он идет к ним, но спотыкается о ствол упавшего дерева*). Между нами что-то лежит…

Второй слепорожденный. Лучше оставаться на месте.

Третий слепорожденный. Где вы сидите? Не хотите ли подойти к нам?

Слепая старуха. Мы не смеем встать!

Третий слепорожденный. Зачем разделил он нас?

Первый слепорожденный. Я слышу, кто-то молится там, среди женщин.

Второй слепорожденный. Да, это старухи молятся.

Первый слепорожденный. Теперь не время молиться.

Второй слепорожденный. Вы успеете помолиться в богадельне, в свое время!

Три слепые старухи продолжают читать молитвы.

Третий слепорожденный. Желал бы я знать, кто сидит рядом со мной.

Второй слепорожденный. Мне кажется, я ваш сосед. (*Он шарит вокруг себя.*)

Третий слепорожденный. Мы не можем дотронуться друг до друга!

Первый слепорожденный. Меж тем мы так близки один от другого. (*Он шарит вокруг себя и задевает своей палкой пятого слепого, который глухо стонет.*) Рядом с нами глухой!

Второй слепорожденный. Я слышу не всех, ведь нас было шестеро.

Первый слепорожденный. А, я начинаю пониМать. Спросим и женщин… Нужно же наконец решить, что нам делать. До меня долетают голоса трех молящихся старух. Разве они все вместе?

Слепая старуха. Они сидят рядом со мной на камне.

Первый слепорожденный. А я сижу на сухих листьях!

Третий слепорожденный. Но где же слепая красавица?

Слепая старуха. Она сидит рядом с молящимися.

Второй слепорожденный. А где сумасшедшая с ребенком?

Молодая слепая. Он спит, не будите его!

Первый слепорожденный. О, как вы далеко от нас, а я думал, что вы тут, против нас.

Третий слепорожденный. Теперь мы знаем почти все, что нам нужно; поговорим же немного до прихода священника.

Слепая старуха. Он приказал нам ждать его молча.

Третий слепорожденный. Да ведь мы не в церкви.

Слепая старуха. Вы не знаете, где мы.

Третий слепорожденный. Мне страшно, когда я молчу.

Второй слепорожденный. Не знаете ли вы, куда пошел священник?

Третий слепорожденный. Мне кажется, что он нас слишком долго оставляет одних.

Первый слепорожденный. Он очень постарел. С некоторых пор, по-видимому, у него ослабло зрение, он в этом не хочет сознаться, боясь, чтобы кто-нибудь другой не занял его места среди нас; но я подозреваю, что он почти ничего не видит. Нам бы нужно другого вожака: он нас более не слушает да и нас собралось слишком много. Во всем доме только четверо зрячих – три монахини и он, и все они старее нас! Я убежден, что мы заблудились и он ищет дорогу. Куда пошел он? Он не смеет оставлять нас здесь!

Слепой старик. Он, кажется, сказал женщинам, что пойдет очень далеко.

Первый слепорожденный. Он только с женщинами и говорит. А мы разве не такие же живые существа? Придется наконец на него пожаловаться.

Слепой старик. А кому вы пожалуетесь?

Первый слепорожденный. Я не знаю еще, но мы увидим, мы увидим. Однако куда же он пошел? Я спрашиваю об этом женщин.

Слепая старуха. Его утомила продолжительная ходьба, и, вероятно, он присел где-нибудь вблизи нас; с некоторых пор он что-то ослаб и очень печален, а после смерти доктора, оставшись совершенно одиноким, он сделался каким-то боязливым. Он почти ни с кем не говорит. Не понимаю, что с ним случилось. Сегодня он решил непременно выйти, говоря, что желает посмотреть остров в последний раз перед наступлением зимы. Зима обещает быть очень суровой и продолжительной. Говорят, что лед с севера уже тронулся. Его очень беспокоили также свирепствовавшие на днях грозы, заставившие реку выступить из берегов; она сильно попортила плотину. Не меньше пугает его и море, которое, по его словам, без всякой причины вдруг взволновалось, а береговые утесы для защиты недостаточно высоки. Он хотел посмотреть, но не сказал нам, что видел. Должно быть, он теперь пошел за хлебом и за водой для сумасшедшей. Он сказал, что, может быть, ему придется идти далеко. Нужно ждать.

Молодая слепая. Уходя, он взял меня за руки, и его руки дрожали, точно от страха. Потом он меня поцеловал…

Первый слепорожденный. Ого!

Молодая слепая. Я стала его расспрашивать о случившемся, и он мне ответил, что не знает, что произойдет; он еще сказал, что, может быть, царству стариков настанет конец.

Первый слепорожденный. Что хотел он этим сказать?

Молодая слепая. Я его не поняла. Он сказал, что пойдет к большому маяку.

Первый слепорожденный. Разве здесь есть маяк?

Молодая слепая. Да, в северной части острова. Мы, кажется, теперь невдалеке от него. Он говорил, что сквозь листву дерев виден маячный огонь. Никогда не казался он мне таким печальным, как сегодня, и думается мне, что он плачет уже несколько дней. Я тоже почему-то прослезилась, хотя не видала его. Я не слыхала, как он ушел. Я его более не расспрашивала, ибо почувствовала на устах его горькую усмешку; почувствовала, что он закрыл глаза, не желая более отвечать.

Первый слепорожденный. Ничего подобного он нам не передавал.

Молодая слепая. Вы его совсем не слушаетесь.

Слепая старуха. Вы ропщете, когда он что-нибудь скажет.

Второй слепорожденный. Уходя, он нам только сказал: «Спокойной ночи!»

Третий слепорожденный. Должно быть, уже очень поздно.

Первый слепорожденный. Уходя, он сказал нам несколько раз: «Спокойной ночи», точно собирался идти спать. Я чувствовал, что он смотрел на меня, когда говорил: «Спокойной ночи, спокойной ночи». Голос изменяется, когда смотришь на кого-нибудь пристально.

Пятый слепой. Сжальтесь над слепцами!

Первый слепорожденный. Кто это говорит нам так некстати?

Второй слепорожденный. Я думаю, что это глухой.

Первый слепорожденный. Молчите! Не время просить милостыню.

Третий слепорожденный. Куда пошел он доставать хлеб и воду?

Слепая старуха. Он пошел к морю.

Третий слепорожденный. В его годы не следует подходить к морю.

Второй слепорожденный. Разве мы вблизи моря?

Слепая старуха. Да, помолчите немного, и вы услышите его шум.

Вблизи слышится плеск волн, плавно разбивающихся о береговые утесы.

Второй слепорожденный. Я слышу лишь голоса старух; они молятся.

Слепая старуха. Слушайте внимательнее, и вы его услышите…

Второй слепорожденный. Да, я что-то слышу невдалеке от нас.

Слепой старик. Это, должно быть, море проснулось.

Первый слепорожденный. Напрасно он нас привел сюда, я не люблю этого шума.

Слепой старик. Вы знаете, что остров невелик, что море слышно, лишь только выйдешь за ограду богадельни.

Второй слепорожденный. Я никогда к нему не прислушивался.

Третий слепорожденный. А мне так кажется, что оно нынче совсем около нас, и мне неприятен столь близкий его шум.

Второй слепорожденный. Я тоже не люблю моря; мы ведь не просились выйти из богадельни.

Третий слепорожденный. Мы еще никогда здесь не были, и совсем бесполезно было вести нас так далеко.

Слепая старуха. Сегодня утром погода стояла прекрасная; он пожелал, чтобы мы воспользовались последними солнечными днями перед тем, как запереться на всю зиму в богадельню.

Первый слепорожденный. Я так предпочитаю оставаться в богадельне.

Слепая старуха. Он еще говорил, что нужно немного познакомиться с этим маленьким островом. Он даже сам его никогда вполне не обходил; на острове есть гора, на вершину которой никто еще не всходил, долины, в которые боятся проникать, и пещеры, в которые до сих пор еще никто не спускался. Он сказал, наконец, что не следует постоянно встречать восход солнца в спальне, потому и решил свести нас на берег моря, но почему-то пошел к нему один.

Слепой старик. Он прав: следует пользоваться жизнью.

Первый слепорожденный. Но ведь и смотреть-то не на что.

Второй слепорожденный. А теперь мы на солнце?

Третий слепорожденный. Да светит ли еще солнце?

Шестой слепой. Не думаю, мне кажется, что уже поздно.

Второй слепорожденный. Который час?

Остальные слепые. Не знаю. Никто этого не знает.

Второй слепорожденный. Светло ли еще? (*Обращаясь к шестому слепому.*) Где вы? Посмотрите, ведь вы немного видите.

Шестой слепой. Мне кажется, что очень темно; когда светит солнце, я вижу своих век голубоватую полоску; я ее видел, но давно, теперь же ничего не вижу.

Первый слепорожденный. Я знаю, что всегда, когда я проголодаюсь, бывает поздно; а теперь я голоден.

Третий слепорожденный. Да посмотрите на небо; вы, может быть, на нем что-нибудь увидите.

Все поднимают головы, за исключением трех слепорожденных, продолжающих сидеть в прежнем положении.

Шестой слепой. Я не знаю, что над нами.

Первый слепорожденный. Голос звучит так, как будто мы в пещере.

Слепой старик. Я полагаю, что голос так звучит, потому что уже вечер.

Молодая слепая. Мне кажется, я чувствую лунный свет на своих руках.

Слепая старуха. Мне кажется, небо покрыто звездами, я их слышу.

Молодая слепая. Я тоже.

Первый слепорожденный. Я ничего слышу.

Второй слепорожденный. Я слышу лишь наше дыхание.

Слепой старик. Да, кажется, женщины правы.

Первый слепорожденный. Я никогда не слыхал звезд.

Остальные два слепорожденных. И мы тоже.

В деревьях раздается шум от полета ночных птиц.

Второй слепорожденный. Слушайте! Слушайте! Что это за шум над нами? Вы слышите?

Слепой старик. Что-то пронеслось над нашими головами.

Шестой слепой. Над нами что-то есть, живое, оно трепещет, но достать его мы не можем.

Первый слепорожденный. Мне не знаком этот шум. Мне хотелось бы вернуться в богадельню.

Второй слепорожденный. Надо бы узнать, куда мы попали.

Шестой слепой. Я пробовал было встать, но кругом шиповник, и я боюсь вытянуть руки.

Третий слепорожденный. Надо бы узнать, куда мы попали!

Слепой старик. Мы не можем узнать этого!

Шестой слепой. Вероятно, мы очень отдалились от дома; я не могу понять ни одного звука.

Третий слепорожденный. Мне уже давно слышится запах сухих листьев.

Шестой слепой. Не видал ли кто-нибудь из вас острова прежде и не может ли сказать нам, куда мы попали?

Слепая старуха. Мы все приехали сюда слепыми.

Первый слепорожденный. А мы слепы от рождения.

Второй слепорожденный. Не будем напрасно беспокоиться: он скоро вернется; подождем еще, но впредь не надо с ним более ходить.

Слепой старик. Нам одним нельзя выходить.

Первый слепорожденный. Мы больше никуда не пойдем, гораздо лучше сидеть дома.

Второй слепорожденный. Мы ведь не хотели идти, и его никто об этом не просил.

Слепая старуха. На острове был праздник, а по большим праздникам мы всегда выходим.

Третий слепорожденный. Я спал, когда он подошел; он тронул меня за плечо и сказал: «Вставайте, вставайте, пора, солнышко уже взошло!» Но светило ли оно, не знаю, так как я никогда не видел солнца.

Слепой старик. Я видел солнце, будучи еще очень молодым.

Слепая старуха. Мне тоже приходилось его видеть, но это было очень давно, когда я была еще ребенком, а теперь я почти этого не помню.

Третий слепорожденный. Зачем ему понадобилось, чтобы мы выходили каждый раз, когда светит солнце? Кто видит его? Я, например, никогда не знаю, гуляю я в полдень или в полночь.

Шестой слепой. Я предпочитаю прогуливаться в полдень, так как предполагаю, что в это время очень светло, и мои глаза стараются что-нибудь увидать.

Третий слепорожденный. А по-моему, гораздо лучше оставаться в столовой перед горящим камином; сегодня утром пламя было особенно жарко.

Второй слепорожденный. Он мог бы нас выводить прогуливаться и во двор; там одинаково светит солнце, но зато двор обнесен оградой, и ворота всегда заперты. Нам нечего было бояться. Зачем трогаете вы меня за левый рукав?

Первый слепорожденный. Я не трогал вас, я даже не могу достать до вас.

Второй слепорожденный. Я говорю вам, что кто-то тронул меня за рукав.

Первый слепорожденный. Никто из нас вас не трогал.

Второй слепорожденный. Мне хотелось бы уйти.

Слепая старуха. Боже мой! Боже мой! Открой нам наконец, где мы!

Первый слепорожденный. Не можем же мы вечно ждать.

Вдали часы медленно бьют двенадцать.

Слепая старуха. О, как мы далеко от богадельни!

Слепой старик. Полночь!

Первый слепорожденный. Полдень! Знает ли кто-нибудь наверно? Ответьте!

Шестой слепой. Я не знаю, но думаю, что мы в тени.

Первый слепорожденный. Я не могу ничего сообразить, мы слишком долго спали!

Второй слепорожденный. Я голоден!

Остальные слепые. Нам хочется есть! Нам хочется пить!

Второй слепорожденный. Давно ли мы здесь?

Слепая старуха. Мне кажется, что мы здесь целую вечность.

Шестой слепой. Я начинаю догадываться, куда мы попали.

Третий слепорожденный. Надо бы пойти в ту сторону, где пробили часы.

Птицы вдруг начинают шуметь.

Первый слепорожденный. Слышите? Слышите?

Второй слепорожденный. Мы здесь не одни!

Третий слепорожденный. Я уже давно подозреваю, что нас подслушивают… Не вернулся ли он?

Первый слепорожденный. Я не понимаю, что это такое; это над нами.

Второй слепорожденный. А остальные разве ничего не слыхали? Вы все молчите!

Слепой старик. Мы все еще слушаем.

Молодая слепая. Мне отовсюду слышен шум крыльев!

Слепая старуха. Боже мой! Боже мой! Открой нам наконец, где мы!

Шестой слепой. Я начинаю догадываться, куда мы попали… Богадельня по ту сторону реки; мы прошли по старому мосту. Он нас привел в северную часть острова. Река от нас невдалеке, мы, может быть, услыхали бы ее, если бы прислушались. Если он не вернется, нужно будет пойти к реке. По ней постоянно плывут большие корабли. Матросы заметят нас. Может быть, мы и в лесу, окружающем маяк; но выхода из этого леса я не знаю… Кто пойдет со мной?

Первый слепорожденный. Останемся здесь! Подождем, подождем; никто не знает, в какой стороне река, а вокруг богадельни болота… Он вернется, он должен вернуться!

Шестой слепой. Не знает ли кто-нибудь из вас, с какой стороны мы сюда пришли? Дорогой он нам это объяснял.

Первый слепорожденный. Я не слушал его.

Шестой слепой. Так кто же слушал?

Третий слепорожденный. Впредь надо его слушать.

Шестой слепой. Не родился ли кто-нибудь из нас на этом острове?

Слепой старик. Вы ведь знаете, что все мы пришлые.

Слепая старуха. Мы приехали издалека.

Первый слепорожденный. Я чуть не умер во время переезда через море.

Второй слепорожденный. Я тоже, мы приехали вместе.

Третий слепорожденный. Мы все трое из одной деревни.

Первый слепорожденный. Говорят, что в ясный день отсюда видна наша церковь, она без колокольни.

Третий слепорожденный. Мы случайно приехали.

Слепая старуха. А я из другого места.

Второй слепорожденный. Вы откуда?

Слепая старуха. Теперь я не стараюсь уже и думать об этом, потому что всякий раз, как хочу что-нибудь рассказать, я ничего почти не могу припомнить. Это было так давно. Я знаю только, что там холоднее, чем здесь.

Молодая слепая. Меня привезли откуда-то изда-лека.

Второй слепорожденный. Откуда же вы?

Молодая слепая. Я не сумею этого сказать. Как вам объяснить? Это очень далеко отсюда – за морем. Я жила в обширной стране… Я бы вам могла многое показать знаками, но ведь мы теперь ничего уже не видим. Я долго странствовала. Я видела и солнце, и воду, и огонь, горы, лица и странные цветы. На этом острове нет таких цветов, здесь слишком темно и холодно. С тех пор, как я лишилась зрения, подобного запаха мне не приходилось больше слышать, но я видела и отца, и мать, и сестер… Тогда я была слишком молода, чтобы знать, где я. Я играла еще на берегу моря. Но как хорошо я себя помню зрячей! Однажды я смотрела на снег с вершины горы. Я начинала уже узнавать тех, кому суждено было быть несчастными.

Первый слепорожденный. Что хотите вы этим сказать?

Молодая слепая. По временам я их еще узнаю по голосу… Воспоминания мои бывают гораздо яснее, когда я о них не думаю.

Первый слепорожденный. У меня нет никаких воспоминаний.

Над лесом с криком пролетают большие перелетные птицы.

Слепой старик. Что-то еще пронеслось над нами!

Второй слепорожденный. Зачем приехали вы сюда?

Слепой старик. Вы кого это спрашиваете?

Второй слепорожденный. Нашу молодую сестру.

Молодая слепая. Мне говорили, что он может меня вылечить. Он сказал мне, что я опять буду видеть; тогда мне можно будет уехать отсюда.

Первый слепорожденный. Мы все желали бы уехать отсюда!

Второй слепорожденный. Мы навсегда здесь останемся!

Третий слепорожденный. Он очень стар, он не успеет нас вылечить!

Молодая слепая. Веки мои закрыты, но я чувствую, что глаза мои видят.

Первый слепорожденный. Мои веки открыты.

Второй слепорожденный. Я сплю с открытыми глазами.

Третий слепорожденный. Не будем говорить о наших глазах.

Второй слепорожденный. Давно ли вы здесь?

Слепой старик. Однажды вечером, во время молитвы, я услышал незнакомый для меня женский голос; по нему я предположил, что вы очень молоды. Слушая вас, мне хотелось бы взглянуть на вас.

Первый слепорожденный. Я тогда ничего не заметил.

Второй слепорожденный. Он нас никогда не предупреждает.

Шестой слепой. Говорят, что вы обладаете красотой женщин далеких стран.

Молодая слепая. Я никогда не видала себя.

Слепой старик. Мы никогда не видели друг друга. Мы постоянно разговариваем между собой, живем в одном доме, всегда бываем неразлучны, но не знаем, кто мы такие. Как мы ни стараемся узнать это ощупью, руки не могут заменить нам глаза.

Шестой слепой. При солнечном свете я вижу иногда ваши тени.

Слепой старик. Мы никогда не видали дома, в котором живем. Как мы ни стараемся узнать ощупью стены и окна, нам все-таки неизвестно, где мы живем.

Слепая старуха. Говорят, что это старый, мрачный замок; в нем никогда не светит огонь, за исключением разве одной башни, в которой комната священника.

Первый слепорожденный. Тому, кто не видит ничего, свет не нужен.

Шестой слепой. Когда я пасу стадо в окрестностях богадельни, овцы при наступлении вечера видят этот огонь и сами возвращаются домой. Они еще никогда не вводили меня в заблуждение.

Слепой старик. Сколько лет живем мы все вместе и никогда еще не видели друг друга! Точно мы все в одиночестве! Нужно видеть, чтобы любить!..

Слепая старуха. Иногда мне грезится, будто бы я вижу.

Слепой старик. Я вижу только во сне.

Первый слепорожденный. Я вижу сны лишь в полночь.

Второй слепорожденный. Что можно видеть во сне, когда ничего не видишь?

Сильный шквал потрясает лес; масса темных листьев падает на землю.

Пятый слепой. Кто это тронул меня за руки?

Первый слепорожденный. Что-то падает вокруг нас!

Слепой старик. Это сверху, но я не знаю, что это.

Пятый слепой. Кто это трогает меня за руки? Я спал, не мешайте мне спать!

Слепой старик. Никто вас не трогал.

Пятый слепой. Кто трогал меня за руки? Отвечайте погромче, я плохо слышу.

Слепой старик. Мы сами этого не знаем.

Пятый слепой. Не пришли ли нас предупредить?

Первый слепорожденный. Не стоит ему отвечать – он ничего не слышит.

Третий слепорожденный. Признаться, глухие очень несчастны.

Слепой старик. Я устал сидеть.

Шестой слепой. Я соскучился.

Второй слепорожденный. Мне кажется, что мы сидим слишком далеко друг от друга… Попробуем немного придвинуться друг к другу – становится холодно.

Третий слепорожденный. Я не смею встать! Лучше оставаться на месте.

Слепой старик. Как знаешь, может быть, между нами что-нибудь есть.

Шестой слепой. Мои руки как будто в крови, я пытался встать.

Третий слепорожденный. Я слышу, что вы наклоняетесь в мою сторону.

Сумасшедшая протирает себе глаза и упорно повертывается в сторону, где неподвижно сидит священник.

Первый слепорожденный. До меня долетает еще и другой шум.

Слепая старуха. Это, кажется, наша сумасшедшая протирает себе глаза.

Второй слепорожденный. Она только это и делает, я слышу это каждую ночь.

Третий слепорожденный. Она сумасшедшая, она постоянно молчит.

Слепая старуха. С тех пор как у нее родился ребенок, она перестала говорить. Она точно чего-то боится…

Слепой старик. А вы так не боитесь здесь оставаться?

Первый слепорожденный. Кто?

Слепой старик. Вы все!

Слепая старуха. Нет, мы боимся!

Молодая слепая. Нам уже давно страшно!

Первый слепорожденный. Зачем вы это спрашиваете?

Слепой старик. Я не знаю, зачем это спрашиваю! Я чего-то не понимаю… Мне вдруг показалась, что кто-то из нас плачет.

Первый слепорожденный. Не надо бояться. Мне кажется, что это плачет сумасшедшая.

Слепой старик. Тут есть еще что-то… Я уверен, есть еще что-то… И мне страшно не от одного этого.

Слепая старуха. Она всегда плачет перед тем, как кормить грудью ребенка.

Первый слепорожденный. Она лишь одна так плачет.

Слепая старуха. Говорят, еще бывают минуты, когда она видит.

Первый слепорожденный. Другие не плачут.

Слепой старик. Кто может видеть, тот может и плакать.

Молодая слепая. Я чувствую запах цветов.

Первый слепорожденный. Я чувствую лишь запах земли!

Молодая слепая. Вокруг нас все цветы!

Второй слепорожденный. Я лишь чувствую запах земли!

Слепая старуха. На меня тоже повеяло ароматом цветов.

Третий слепорожденный. Я лишь чувствую запах земли!

Слепой старик. Мне кажется, что они правы.

Шестой слепой. Где цветы? Я пойду их рвать.

Молодая слепая. Направо! Направо!

Шестой слепой медленно встает и ощупью идет к златоцветникам, натыкаясь на кусты и деревья, причем стебли растений ломаются под его ногами.

Да ведь вы ломаете стебли! Остановитесь! Остановитесь!

Первый слепорожденный. Не беспокойтесь о цветах, подумайте лучше о возвращении.

Шестой слепой. Я боюсь повернуться! Боюсь идти!

Молодая слепая. Не ходите! Подождите. (*Она встает.*) О! Как земля холодна! Будет мороз! (*Она без колебаний подходит к странному бледному златоцветнику, но принуждена остановиться, так как на пути ее лежит сломанное дерево и обломки скалы.*) Они здесь! Но я не могу их достать – они на вашей стороне.

Шестой слепой. Я, кажется, их рву. (*Он рвет ощупью оставшиеся в целости цветы и предлагает их слепой.*)

Ночные птицы улетают.

Молодая слепая. Мне кажется, я когда-то видела эти цветы… Я не помню больше их названия… Но какие же они болезненные, стебельки их совсем мягки! Я почти не узнаю их… Мне кажется, что это цветы мертвецов. (*Она вплетает несколько златоцветников себе в волосы.*)

Слепой старик. Я слышу, как скрипят ваши волосы.

Молодая слепая. Нет, это цветы…

Слепой старик. Нам никогда не увидать друг друга.

Молодая слепая. Я тоже никогда не увижу себя… Мне холодно.

В это время в лесу поднимается сильный ветер, море ревет, с шумом разбиваясь о прибрежные скалы.

Первый слепорожденный. Гремит!

Второй слепорожденный. Я думаю, что подымается буря.

Слепая старуха. Мне кажется, что это море шумит.

Третий слепорожденный. Море? Разве это море? Оно, значит, в двух шагах от нас! Оно около нас! Я его слышу вокруг себя! Нет, должно быть, это что-нибудь другое!

Молодая слепая. Я слышу шум волн вокруг себя.

Первый слепорожденный. Это ветер шелестит сухими листьями.

Слепой старик. Мне кажется, что женщины правы.

Третий слепорожденный. Оно и сюда подойдет!

Первый слепорожденный. Откуда дует ветер?

Второй слепорожденный. С моря.

Слепой старик. Он всегда дует с моря, а море окружает нас со всех сторон, значит, и он дует со всех сторон.

Первый слепорожденный. Не будем больше говорить о море!

Второй слепорожденный. Наоборот, необходимо о нем поговорить, так как оно дойдет и до нас.

Первый слепорожденный. Вы ведь не знаете, море ли это.

Второй слепорожденный. Я слышу его, точно оно у моих ног! Мы не можем здесь оставаться! Оно, может быть, уже окружило нас.

Слепой старик. Куда вы хотите идти?

Второй слепорожденный. Все равно куда! Все равно! Я не хочу больше слышать этого шума! Уйдем! Уйдем!

Третий слепорожденный. Я как будто слышу что-то еще. Прислушайтесь!

По сухим листьям раздается шум быстрых, но еще отдаленных шагов.

Первый слепорожденный. Что-то приближается.

Второй слепорожденный. Он идет! Он идет! Он возвращается!

Третий слепорожденный. Он идет маленькими шажками, точно ребенок…

Второй слепорожденный. Не будем ему попрекать сегодня.

Слепая старуха. А по-моему, это шаги не человека.

Большая собака вбегает в лес и проходит мимо слепцов. Молчание.

Первый слепорожденный. Кто это? Кто вы такой? Сжальтесь над нами, мы ждем так давно!

Собака останавливается и кладет свои передние лапы на колени слепого.

Ах! Ах! Что это вы положили мне на колени? Что это такое? Не животное ли это? Это, кажется, собака? Да! Да! Это собака! Это собака из богадельни! Поди сюда! Поди сюда! Она пришла нас освободить! Поди сюда! Поди сюда!

Остальные слепые. Поди сюда! Поди сюда!

Первый слепорожденный. Она пришла нас освободить! Она пришла сюда по нашим следам! Она мне лижет руки, как будто давно меня не видала! Она лает от радости! Она околеет от радости! Слушайте! Слушайте!

Остальные слепые. Поди сюда! Поди сюда!

Слепой старик. Она, может быть, от кого-нибудь убежала вперед!

Первый слепорожденный. Нет, нет, она одна. С ней никого нет. Нам не нужно другого провожатого, да лучшего и не найдешь. Она нас проведет всюду, куда мы захотим, она будет нас слушаться.

Слепая старуха. Мне страшно идти за ней.

Молодая слепая. Мне тоже.

Первый слепорожденный. Да отчего же? Она видит лучше нас.

Второй слепорожденный. Не слушайте женщин.

Третий слепорожденный. В небе как будто что-то изменилось; я дышу свободнее, воздух очистился…

Слепая старуха. Это морской ветер дунул на нас.

Шестой слепой. Должно быть, скоро рассветет. Мне кажется, что восходит солнце.

Слепая старуха. Вероятно, будет холодно…

Первый слепорожденный. Мы сейчас попадем на дорогу. Она меня тащит! Она меня тащит! Она точно опьянела от радости! Я не могу ее больше удержать! Идите за мной! Идите за мной! Мы возвращаемся домой!

Он встает, увлекаемый собакой, которая ведет его к священнику, и останавливается.

Остальные слепые. Где вы? Где вы? Куда пошли вы? Берегитесь!

Первый слепорожденный. Постойте! Постойте! Не ходите пока за мной, я вернусь. Она останавливается. Что там такое? А! А! Я дотронулся до чего-то очень холодного.

Второй слепорожденный. Что вы говорите? Вашего голоса почти не слышно.

Первый слепорожденный. Я дотронулся! Я дотронулся, кажется, до лица!

Третий слепорожденный. Что вы говорите? Вас почти нельзя понять. Что с вами? Где вы? Разве вы так далеко от нас?

Первый слепорожденный. О! О! Что это такое? Среди нас мертвец!

Остальные слепые. Мертвец среди нас? Где вы? Где вы?

Первый слепорожденный. Я говорю вам, что среди нас мертвец! О! О! Я дотронулся до мертвеца! Рядом с вами мертвый! Должно быть, кто-нибудь из нас умер! Но отвечайте, чтобы я мог узнать, кто остался в живых! Где вы? Отвечайте! Отвечайте все вместе!

Слепцы отвечают один за другим, за исключением сумасшедшей и глухого; старухи перестали читать молитвы.

Я больше не различаю наших голосов! Все вы говорите одинаково! У всех вас дрожит голос!

Третий слепорожденный. Двое не откликнулись… Где они? (*Он трогает палкой пятого слепого.*)

Пятый слепой. Ой! Ой! Я спал, дайте мне спать!

Шестой слепой. Это не он. Может быть, сумасшедшая?

Слепая старуха. Она сидит около меня, я слышу, что она жива…

Первый слепорожденный. Мне кажется… Мне кажется, что это наш священник! Он стоит! Идите! Идите!

Второй слепорожденный. Он стоит?

Третий слепорожденный. Так он не умер?

Слепой старик. Где он?

Шестой слепой. Пойдем, посмотрим!

Они встают и идут ощупью к умершему, за исключением сумасшедшей и пятого слепого.

Второй слепорожденный. Здесь ли он? И он ли это?

Третий слепорожденный. Да! Да! Я его узнаю!

Первый слепорожденный. Боже мой! Боже мой! Что будет с нами!

Слепая старуха. Отец мой! Отец мой! Вы ли это? Что случилось? Что с вами? Отвечайте нам! Мы все здесь, возле вас… О! О! О!

Слепой старик. Принесите воды. Он, может быть, еще жив…

Второй слепорожденный. Попробуем… Он, может быть, будет в силах довести нас до богадельни.

Третий слепорожденный. Это бесполезно – сердце его не бьется. Он уже остыл…

Первый слепорожденный. Он умер, не сказав ни слова.

Третий слепорожденный. Ему бы следовало предупредить нас.

Второй слепорожденный. Как он был стар! Я в первый раз дотрагиваюсь до его лица…

Третий слепорожденный (*трогая тело*). Он был выше всех нас.

Второй слепорожденный. Его глаза широко раскрыты, он умер со сложенными руками.

Первый слепорожденный. Он умер без всякой причины.

Второй слепорожденный. Он не стоит, он сидит на камне…

Слепая старуха. Боже мой! Боже мой! Я этого ничего не знала! Ничего не знала! Он так давно был болен. Он, должно быть, сильно страдал сегодня! О! О! О! Он не жаловался… Только пожимая наши руки, он на что-то пожаловался. Всего ведь никогда не поймешь! Помолимся, станем на колени…

Женщины с молитвой опускаются на колени.

Первый слепорожденный. Я боюсь встать на колени.

Второй слепорожденный. Не знаешь, на что можно тут наступить.

Третий слепорожденный. Был ли он болен?.. Он нам этого не говорил.

Второй слепорожденный. Я слышал, как, уходя от нас, он говорил вполголоса. Кажется, он что-то говорил нашей молодой сестре. Что мог он ей сказать?

Первый слепорожденный. Она не желает отвечать.

Второй слепорожденный. Вы не хотите больше нам отвечать? Где вы? Говорите!

Слепая старуха. Вы его заставляли слишком страдать, вы его уморили. Вы не хотели дальше идти, вы сели закусывать на камни по дороге, вы целый день роптали. Я слышала, как он тяжело вздыхал. Он упал духом…

Первый слепорожденный. Был ли он болен? Не знали ли вы об этом?

Слепой старик. Мы ничего не знали… Мы никогда его не видали. Как могли мы знать, что происходит перед нашими бедными слепыми глазами? Он никогда не жаловался. Теперь уже поздно… При мне умерло трое. Но не такой смертью! Теперь за нами очередь…

Первый слепорожденный. Я никогда не был причиной его страданий. Я ничего не говорил.

Второй слепорожденный. Я тоже молчал, мы шли за ним молча.

Третий слепорожденный. Он умер, отыскивая воду для сумасшедшей.

Первый слепорожденный. Что мы теперь будем делать? Куда пойдем?

Третий слепорожденный. Где собака?

Первый слепорожденный. Здесь, она не отходит от умершего.

Третий слепорожденный. Отгоните ее! Отгоните!

Первый слепорожденный. Она не хочет покинуть умершего!

Второй слепорожденный. Мы не можем сидеть рядом с покойником! Не умирать же нам здесь, в этой тьме!

Третий слепорожденный. Останемся вместе, не будем слишком отдаляться друг от друга; возьмемтесь за руки, сядем на этот камень. Где там остальные? Идите сюда! Идите сюда!

Слепой старик. Где вы?

Третий слепорожденный. Я здесь, я здесь. Все ли мы здесь налицо? Идите ко мне ближе. Где ваши руки? Как холодно!

Молодая слепая. О! Какие у вас холодные руки!

Третий слепорожденный. Что вы делаете?

Молодая слепая. Я поднесла руки к глазам. Мне казалось, что я вдруг увижу…

Первый слепорожденный. Кто это так плачет?

Слепая старуха. Это плачет сумасшедшая.

Первый слепорожденный. Ведь она не подозревает правды?

Слепой старик. Я думаю, что нам придется здесь умереть…

Слепая старуха. Может быть, кто-нибудь придет.

Слепой старик. Кто же еще может прийти?

Слепая старуха. Не знаю.

Первый слепорожденный. Я думаю, что монахини выйдут из богадельни.

Слепая старуха. Они по вечерам не выходят.

Молодая слепая. Они никогда не выходят.

Второй слепорожденный. Нас могут увидать с большого маяка.

Слепая старуха. Но с башни люди никогда не спускаются.

Третий слепорожденный. Но они, может быть, заметят нас.

Слепая старуха. Они смотрят лишь на море.

Третий слепорожденный. Как холодно!

Слепой старик. Кажется, начинает морозить.

Молодая слепая. О! Как тверда земля!

Третий слепорожденный. Я слышу налево от себя какой-то непонятный шум.

Слепой старик. Это море разбивается об утесы.

Третий слепорожденный. Я думал, что это женщины.

Слепая старуха. Я слышу, как ломаются льдины.

Первый слепорожденный. Кто там так сильно дрожит? Даже камень затрясся под нами.

Второй слепорожденный. Я больше не могу разжать рук.

Слепой старик. Я снова слышу шум, но он мне непонятен.

Первый слепорожденный. Кто там так сильно дрожит? Даже камень затрясся.

Слепой старик. Я думаю, что это кто-нибудь из женщин.

Слепая старуха. Я думаю, что всех сильнее дрожит сумасшедшая.

Третий слепорожденный. Ребенок ее что-то замолчал.

Слепая старуха. Должно быть, он еще кормится грудью.

Слепой старик. Он один из нас видит, куда мы попали.

Первый слепорожденный. Я чувствую северный ветер.

Шестой слепой. Мне кажется, что звезд больше нет, сейчас пойдет снег.

Второй слепорожденный. Тогда мы пропали!

Третий слепорожденный. Если кто-нибудь из нас заснет, его надо сейчас же разбудить.

Слепой старик. А мне так спать хочется.

Ветер поднимает сухие листья и столбом крутит их в воздухе.

Молодая слепая. Вы слышите шум сухих листьев? Мне кажется, что к нам кто-то идет!

Второй слепорожденный. Нет, это ветер. Слышите?

Третий слепорожденный. Никто к нам больше не придет!

Слепой старик. Скоро должны наступить сильные холода.

Молодая слепая. Я слышу вдали чьи-то шаги!

Первый слепорожденный. Я слышу лишь шелест листьев.

Молодая слепая. Я слышу, что вдали кто-то идет!

Второй слепорожденный. Я слышу лишь северный ветер!

Молодая слепая. А я говорю вам, что кто-то идет!

Слепая старуха. И я тоже слышу чьи-то шаги…

Слепой старик. Я думаю, что женщины правы!

Снег идет большими хлопьями.

Первый слепорожденный. О! О! Что-то холодное падает мне на руки.

Шестой слепой. Снег идет.

Первый слепорожденный. Сядем поближе друг к другу.

Молодая слепая. Следите же за шумом шагов!

Слепая старуха. Ради бога, замолчите на минутку!

Молодая слепая. Они приближаются! Они приближаются! Слушайте!

В это время ребенок сумасшедшей начинает плакать.

Слепой старик. Ребенок плачет?

Молодая слепая. Он видит! Он видит! Он плачет, как будто что-то видит!

Молодая слепая берет ребенка на руки и идет по тому направлению, где, как ей кажется, слышатся шаги; остальные женщины боязливо следуют за ней и окружают.

Я иду навстречу!

Слепой старик. Берегитесь!

Молодая слепая. О! Как он расплакался! Что с ним? Не плачь. Не бойся, ничего нет страшного, мы здесь, мы около тебя. Что видишь ты? Не бойся. Не плачь так! Что видишь ты? Скажи, что видишь ты?

Слепая старуха. Шаги все приближаются, слушайте! Слушайте!

Слепой старик. Я слышу шорох платья о сухие листья.

Шестой слепой. Так это женщина?

Слепой старик. Так это шаги?

Первый слепорожденный. Может быть, это вода разливается по листьям?

Молодая слепая. Нет, нет! Это шаги! Это шаги!

Слепая старуха. Мы сейчас узнаем – прислушивайтесь к шороху листьев.

Молодая слепая. Я их слышу, они совсем вблизи нас! Слушайте! Слушайте! Что видишь ты? Что видишь ты?

Слепая старуха. В какую сторону он смотрит?

Молодая слепая. Он все время следит за шагами! Смотрите! Смотрите! Когда я поворачиваю его, он оборачивается, чтобы взглянуть… Он видит! Он видит! Он, должно быть, видит что-нибудь странное!

Слепая старуха (*подходя*). Подними его над нашими головами, может быть, тогда лучше увидит.

Молодая слепая. Расступитесь! Расступитесь! (*Она приподнимает ребенка над головами слепцов.*) Шаги смолкли среди нас!

Слепая старуха. Шаги здесь!

Молодая слепая. Кто вы такой?

Молчание.

Слепая старуха. Сжальтесь над нами!

Молчание. Ребенок плачет еще сильнее.

{Семь принцесс[4]]
{Les sept princesses]

Действующие лица

Король.

Королева.

Принц.

Семь принцесс.

Вестник.

Хор матросов.

Обширная мраморная зала. По ней размещены фаянсовые вазы, в которых высятся лавры, лилии и лаванда. Широкая лестница о семи ступенях, вся из белого мрамора, делит залу в длину надвое. На ее ступенях, украшенных шелковыми подушками нежных цветов, спят семь принцесс; они в длинных белых платьях без рукавов. Серебряная лампа освещает залу. В глубине дверь с громадными запорами, а справа и слева от нее большие окна, спускающиеся до самого пола. Позади этих окон терраса. Солнце на закате, и сквозь стекла видна угрюмая, болотистая местность с небольшими озерами и покрытая лесом дуба и сосны. Перпендикулярно одному из окон чернеет меж громадными плакучими ивами прямой, мрачный канал, с горизонта которого надвигается большой военный корабль.

Король, королева и вестник идут по террасе и смотрят на приближающийся корабль.

Королева. Он идет на всех парусах…

Король. Из-за тумана я не могу его хорошенько рассмотреть.

Королева. Они в веслах… Они все в веслах… Мне кажется, что он подойдет к самым окошкам замка. Можно подумать, что он имеет в длину тысячу локтей. Паруса задевают об ветви ив.

Король. Он как будто шире канала…

Королева. Они останавливаются.

Король. Я, право, не знаю, как они вернутся.

Королева. Они останавливаются… Они останавливаются… Они бросают якорь… Они причаливают к ивам. А! А! Мне кажется, что принц сходит с корабля…

Король. Посмотрите на этих лебедей… Они плывут ему навстречу… Они хотят видеть, что это такое…

Королева. Что, они все еще спят?

Они смотрят в окна в залу.

Король. Разбудим их… Я давно говорил, их нужно разбудить.

Королева. Дождемся его. А теперь слишком поздно. Он тут, он тут, боже мой! Боже мой! Что станем мы делать? Я не решаюсь! Я не решаюсь… Они слишком больны.

Король. Не хотите ли, чтобы я отворил дверь?

Королева. Нет! Нет! Подождите! Подождем! О, как они спят! Как они все спят! Они не знают, что он возвращается. Они не знают, что он тут. Я не смею их разбудить. Доктор запретил. Не станем их будить… О! О! Я слышу шум шагов на мосту.

Король. Он здесь! Он здесь! Он уже входит на террасу!

---

[4] Текст пьесы приводится по изданию: *Метерлинк М.* Слепцы; Тайны души; Семь принцесс; Смерть Тентажиля; Вторжение смерти: пять драм сочинения Мориса Метерлинка. М., 1898. С. 69–105.

Они отходят от окна.

Королева. Где он? Где он? Он ли это? Я его более не узнаю! Нет, нет, я его еще узнаю! О! Какой он большой! Какой большой! Он выходит на лестницу! Марцелл! Марцелл! Вы ли это? Вы ли это? Поднимайтесь! Поднимайтесь! Мы так стары! Мы не можем больше спуститься! Идите! Идите! Идите!

Король. Осторожнее, не упадите! Ступени очень ветхи. Они все трясутся. Осторожнее!

Королева. Входите! Входите! Входите!

Принц поднимается на террасу и бросается в объятия короля и королевы.

Принц. Дорогая бабушка! Дорогой дедушка!

Они целуются.

Королева. Ах! Как вы красивы! Как вы выросли, дитя мое! Какой вы стали большой, мой маленький Марцелл! Я не вижу вас хорошо – у меня глаза полны слез…

Принц. О! Бедная бабушка, как белы ваши волосы! О! Дорогой дедушка, как седа ваша борода!

Король. Мы оба бедные, дряхлые старики, скоро очередь за нами…

Принц. Бабушка, дедушка, зачем сгибаетесь вы так?

Король. Я всегда согбен…

Королева. Мы так давно тебя ждем!

Принц. О! Моя дорогая бабушка, как вы сегодня дрожите!

Королева. Я всегда так дрожу, дитя мое…

Принц. О! Дорогие мои! Я почти вас более не узнаю…

Король. И я тоже, и я тоже. Я теперь не вижу хорошо.

Королева. Где вы были так долго, дитя мое? О! Какой вы большой! Вы выше нас! Вот, вот, я плачу, как будто вы умерли!

Принц. К чему эти слезы при встрече со мной?

Королева. Нет, нет, это не слезы, дитя мое… Это совсем не слезы… Ничего не случилось… Ничего не случилось…

Принц. Где мои семь кузин?

Королева. Здесь, здесь, тише, тише… Не будем говорить о них так громко – они еще спят. Не нужно говорить о тех, кто спит.

Принц. Они спят? Все ли они живы?

Королева. Да, да, да, но осторожнее, осторожнее… Они спят здесь, они все время спят.

Принц. Что? Что? Что? Они все время спят? И… И… И все семеро?.. Все семеро?

Королева. О! О! О! Что вы подумали! Что вы осмелились подумать, Марцелл, Марцелл! Берегитесь! Они здесь, пойдемте посмотреть к окну… Скорей! Скорей! Скорей! Теперь время на них смотреть.

Они подходят к окну и смотрят в залу. Продолжительное молчание.

Принц. И это мои семь кузин? Я не могу рассмотреть…

Королева. Да, да, они все тут семеро спят на ступенях. Видны ли они вам? Видны ли они вам?

Принц. Я вижу лишь бледные тени.

Королева. Это ваши семь кузин! Видны ли они вам сквозь стекла?

Принц. Это мои семь кузин?

Королева. Смотрите же на них, они в глубине залы. Вы их увидите, вы их увидите… Подойдите сюда, подойдите сюда. Вы их отсюда, может быть, увидите лучше.

Принц. Я вижу! Я вижу! Я вижу их всех семерых! Одна, две, три… (*Он на минуту в нерешительности останавливается.*) Четыре, пять, шесть, семь… Я почти их не узнаю. О! Как они все семеро прелестны! О! Как они все семеро белы! О! Как они все семеро бледны! Но зачем они спят все семеро?

Королева. Они всегда спят… Они спят здесь с полудня. Они так больны! Их нельзя более будить. Они не знали о вашем приезде. Мы не посмели их разбудить. Нужно подождать… Надо, чтобы они сами проснулись. Они несчастливы, и это наша вина… Мы слишком стары, все слишком стары для них… И не знаешь, а стареешь…

Принц. О! Как они прелестны…

Королева. Они живут полужизнью с тех пор, как они здесь. Они здесь с тех пор, как родители умерли. Слишком холодно в этом замке. Они приехали из теплых стран. Они все ищут солнца, но его здесь почти нет. Оно показалось сегодня ненадолго на канале, но деревья так велики, что повсюду лишь одна тень. Здесь слишком много тумана, и небо всегда покрыто тучами. О! Как вы смотрите! Видите ли вы что-нибудь особенное?

Принц. О! Как они все семеро бледны!

Королева. Они еще сегодня ничего не ели. Они не могли больше оставаться в саду – картины цветов их ослепляли. Они в лихорадке. Они вернулись в полдень, держа друг друга за руки. Они так слабы, что почти не могут ходить в одиночку. Они все семеро дрожат от лихорадки. И никто не знает, что с ними. Они спят здесь каждый день…

Принц. Какие они странные… О! О! Они очень странные! Я не смею на них больше смотреть. Здесь ли их спальня?

Королева. Нет, нет! Это не спальня их. Вы же видите хорошо, что здесь нет кроватей. Их маленькие семь кроватей наверху, в башне. Они здесь в ожидании ночи.

Принц. Я начинаю их различать.

Королева. Подойдите, подойдите, но не дотрагивайтесь до окон. Вам лучше будет видно, когда солнце сядет, – пока еще слишком светло на улице. Вы через некоторое время увидите лучше. Прислонитесь к окну, но не шумите.

Принц. О! Как светло в зале!

Королева. В ней будет еще светлее, когда наступит ночь. Она готова наступить.

Король. Что готово наступить?

Королева. Я о ночи говорю. Видите ли вы что-нибудь?

Принц. Я вижу большую хрустальную вазу на треножнике.

Королева. Ничего, это вода. Их так одолевает жажда, когда они просыпаются.

Принц. Но зачем горит эта лампа?

Королева. Они всегда ее зажигают. Они знают, что долго будут спать. Они зажгли ее сегодня в полдень, чтобы не проснуться впотьмах. Они боятся темноты.

Принц. Они стали большими!

Королева. Они и еще вырастут. Они становятся слишком велики. Может быть, от этого они так больны. Узнаете ли вы их?

Принц. Я, может быть, узнал бы их, если бы увидал днем.

Королева. Вы так часто с ними играли, когда они были маленькими. Посмотрите хорошенько…

Принц. Я лишь вижу хорошо их маленькие голенькие ножки.

Король (*смотря в другое окно*). Я не вижу хорошо сегодня вечером.

Принц. Они слишком далеки от нас.

Король. Сегодня вечером что-то есть на стеклах. Я не вижу хорошенько, что это…

Принц. Это стекла отпотели. Попробую их протереть.

Королева. Нет! Нет! Не трогайте! Они проснутся внезапно! Это от теплоты залы.

Принц. Шестерых я различаю хорошо, но есть одна в середине…

Король. Они очень похожи друг на друга, я их узнаю лишь по ожерельям.

Принц. Одну из них я не вижу хорошо…

Королева. Которая же нравится вам?

Принц. Та, которую я не вижу…

Королева. Которую? Я глуха немного.

Принц. Та, которую я не вижу.

Король. Которую же не видно хорошо? Я почти ни одной не вижу.

Принц. Ту, что в середине.

Королева. Я так и полагала, что вы лишь ее увидите!

Принц. Кто это?

Королева. Вы знаете хорошо, кто это. Мне нет нужды вам говорить.

Принц. Это Урсула?

Королева. Ну да, ну да, ну да! Вы видите хорошо, что это Урсула! Это Урсула! Урсула, которая ожидает вас семь лет! Все ночи напролет! Все ночи напролет! И целые дни! И целые дни! Вы узнаете ее?

Принц. Я не вижу ее хорошо – ее застилает какая-то тень.

Королева. Да, на ней какая-то тень. Я не узнаю, что это.

Принц. Я полагаю, что это тень, падающая от одной из колонн. Я ее лучше увижу, когда солнце совсем сядет.

Королева. Нет, нет, это не от колонны тень.

Принц. Мы увидим сейчас, переходит ли тень.

Король. Я вижу, что это, – это тень от лампы.

Королева. Она спит не так, как другие.

Король. У нее глубже сон, вот и все.

Принц. Она спит, как дитя…

Король. Подойдите к этому окну, может быть, вы отсюда лучше увидите.

Принц (*подходя к другому окну*). Я не вижу лучше. Очень трудно ее видеть. Можно подумать, что она прячется.

Королева. Лицо почти незаметно.

Принц. Я хорошо вижу туловище, но не вижу лица. Я думаю, что оно обращено кверху.

Королева. Вы смотрите лишь на одну!

Принц (*продолжая смотреть*). Она больше остальных.

Королева. Да не глядите же все на ту, которую не видно. Есть ведь шесть других!

Принц. Я смотрю тоже и на них. О! Как их хорошо видно!

Королева. Узнаете ли вы их? Вот Женевьева, Елена, Кристабелла. И с другой стороны Маделена, Клавдия и Кларибелла с изумрудами. Посмотрите-ка, мне кажется, что они держатся за руки. Они заснули, держа друг друга за руки. О! О! Сестренки! Подумаешь, что они боятся расстаться во сне. Боже мой! Боже мой! Мне хотелось бы, чтобы они проснулись!

Принц. Да, да, разбудите-ка их. Хотите, чтобы я их разбудил?

Королева. Нет, нет, не теперь, не теперь. Не смотрите на них больше, пойдемте, не смотрите на них, а то у них будут тяжелые сны. Я не хочу больше их видеть, я не хочу больше их видеть. Я разобью стекла! Не будемте на них больше смотреть, мы испугаемся! Отойдите, отойдите вглубь террасы, мы станем говорить о чем-нибудь другом – у нас так много есть чего передать друг другу. Идите, идите, они могут проснуться, и они тогда испугаются; испугаются, если увидят нас всех у окон. (*К королю.*) Вы тоже, вы тоже отойдите, не касайтесь стекла вашей седой бородой. Вы не знаете, как вы страшны! Ради бога, не оставайтесь оба у окон! Да идите же! Идите же, говорю вам! Вы не знаете, что произойдет… Идите сюда, идите сюда, обернитесь! Смотрите в противоположную сторону! Посмотрите на минуту в противоположную сторону! Они больны! Они больны! Уйдемте. Оставим их одних спать!

Принц (*оборачиваясь*). Что такое? Что это такое? О! Как темно на улице! Где вы? Я не нахожу вас.

Король. Подождите с минуту, вы еще ослеплены светом залы. Я тоже ничего не вижу. Но идите. Мы здесь…

Они отходят от окон.

Принц. О! Как темно в поле! Где мы?

Король. Солнце село.

Королева. Марцелл, зачем вы не прибыли раньше?

Принц. Гонец передал вам, я собирался в путь.

Королева. Они вас ждали столько лет! Они все были в этой мраморной зале, они смотрели на канал. День и ночь… В солнечные дни они ходили на тот берег. Там есть холм, откуда далеко видно. Моря не видно, но видны прибрежные скалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.